

АКТЕР **Константин Райкин:**

Известия - 2005 - 11 июля - с. 12

«Я очень неуверенный в себе человек»

Замечательному актеру, а также режиссеру, а также педагогу Школы-студии МХАТ и худруку театра «Сатирикон» Константину Райкину исполнилось 55 лет. Накануне юбилея он дал интервью обозревателю «Известий» **Марине Давыдовой**.

ИЗВЕСТИЯ: Вы помните, когда и как в первый раз попали в театр?

Константин Райкин: Ох, нет, не помню. Наверное, в папин театр я впервые попал. Вы знаете, я ведь даже не помню свой первый выход на сцену.

ИЗВЕСТИЯ: ???

Райкин: Просто в этот момент находишься под таким сильным впечатлением, жизнь протекает так жарко, что твое сознание не успевает зафиксировать событие. Я так долго мечтал об этом! Думал: вот выйду на сцену — и, Господи, какое это будет счастье! А потом как-то поймал себя на мысли: да я год уже играю, что же я забыл этот момент отметить! Потому что, когда ты выходишь на сцену, у тебя столько задач! Ты столько держишь в голове житейских и профессиональных вопросов... Это только в нехорошем кино артист в состоянии при этом оценить и запомнить пафос момента. Как это было хорошо, понимаешь только ретроспективно.

ИЗВЕСТИЯ: Но годы свои студенческие вы все же помните? Вы вот поступали в Щукинское училище. Специально приехали из Ленин-

града. А почему в Ленинграде не поступали?

Райкин: Тогда считалось, что лучшие театральные вузы в Москве. И лучшим из них была «Щука». Ее и Катя, сестра моя, закончила. Он слыл наиболее свободным театральным вузом. А Школа-студия МХАТ, скажем, напротив, считалась традиционным, келейным, старообрядческим учебным заведением. В ней были живы традиции мхатовского психологизма не лучших для МХАТа времен. В общем, я никаких других вузов театральных даже и не рассматривал.

ИЗВЕСТИЯ: У вас были хорошие педагоги?

Райкин: Да. Я учился у Катина-Ярцева. И очень благодарен ему, хотя на старших курсах он уже многих раздражал. Но я в какой-то момент понял, что хорошие педагоги — это не всегда самые обожаемые. Бывают такие популистские учителя, которые пользуются всеобщей любовью. Это не значит, что они обязательно приносят много пользы. А есть зануды, мучители, почти разрушители, от которых, наоборот, ничего, кроме пользы. → **СТР. 10**

ФОТО: ИТАР-ТАСС

АКТЕР **Константин Райкин:**

«Я очень неуверенный в себе человек»

ИЗВЕСТИЯ: Вы сами теперь ведете курс — и ведете, кстати, в Школе-студии МХАТ. Вас студенты любят? Вы популист?

Райкин: Ну, обаять-то я знаю как. Но, обаяв, беру их за горло. Мне некогда миндальничать. Мне нужно, чтобы они умели делать такой театр, который я понимаю и в который я верю. Я творю их по своему образу и подобию.

ИЗВЕСТИЯ: Какое-то антипедагогическое утверждение.

Райкин: Я вам так скажу. Сохранить творческую индивидуальность студента — это вещь правильная, но не самая главная. Вся эта замечательная индивидуальность хороша на малой сцене. А на большой... Да зрители уйдут от такого замечательного. Для того чтобы он со своей индивидуальностью мог работать на большой сцене, его индивидуальность обязательно надо обтесать. Если не деформировать, то существенно реформировать. Он должен знать, что такое ритм, что такое громко разговаривать, что такое играть сцену, а не собственную роль. Он должен уметь не тишиться, не быть рабом своего нутра. Такие нежности допускает малая сцена и совершенно не терпит большая.

ИЗВЕСТИЯ: Вы очень напираете на словосочетание «большая сцена», но малая сцена появилась в истории театра относительно недавно. История театра — это вообще-то история большой сцены. И нужно было при этом Сальвини или Варламову как-то обтесывать свою индивидуальность?

Райкин: Но то был другой театр. Он не был режиссерским. Это другая история. А малая сцена хоть и недавно возникла, но стала очень значимой. Огромное количество талантливых режиссеров занимается сейчас таким шкатулочным театром. Театр стал исповедовать немыслимые прежде верования: нам публика, мол, не важна, мы для себя работаем, а не для нее, мы разговариваем с Богом.

ИЗВЕСТИЯ: Нам важен процесс, а не результат.

Райкин: Вот-вот. То есть детей рожать или оргазм испытывать не надо, но туда-сюда делать очень приятно. Это какое-то извращение. У любого процесса существует все-таки сверхзадача. Я верю в театр, который работает для публики. Для меня она — главный критерий. Знаю, что не абсолютный. Есть успешные спектакли, которые мне не нравятся? Есть. Бывает так, что мне лично спектакль нравится, а успеха нет? Бывает. Но все же обычно то, что нравится мне, нравится большинству театральной публики, и меня это совпадение очень вдохновляет. Я всегда рассчитываю на понимание себе подобных и понимаю, что мне подобных в театральной публике много.

ИЗВЕСТИЯ: Думаю, вы все же обольщаетесь. Вы очень продвинутый зритель. Таких немного.

Райкин: Да что вы! Я очень простецкий зритель. Я почти всегда очаровываюсь в театре. В крайнем случае, сам придумываю себе что-нибудь, чтобы очароваться. Я очень не люблю, когда мне не нравится. Я, конечно, понимаю природу этого подленького чувства, когда ты видишь на сцене какое-то говно и думаешь: о, а я не так уж плох, другие-то еще хуже. Но при этом во мне до такой степени преобладает стыд за профессию, что он это чувство подавляет. Как будто ты сам там играешь. А бывает мучительное счастье, когда смотришь и думаешь: боже мой, а ведь я так не могу. У меня в свое время с «Современником» были такие ощущения. Я в 17 лет — уже был на первом курсе — посмотрел там «Обыкновенную историю», в которой совершенно замечательно играл Табаков... Фантастически играл... И обалдел. Я с родителями пришел и даже помню, что не смог пойти за кулисы. Прорыдал всю ночь. Я думал о том, что я никогда не смогу так играть. Я недавно эту историю рассказал на какой-то телепередаче. И Табаков мне на это сказал: а я, когда посмотрел спектакль «И пойду, и пойду», где играли Костя с Ленкой Кореневой, тоже подумал, что никогда уже не смогу так сыграть. Ну, я не растерялся. Я тут же репризно ответил, что мы вообще-то отрепетировали обмен комплиментами и на прогоне Табаков делал это лучше.

«Если у меня в театре зрителю что-то не нравится, он просто звереет»

ИЗВЕСТИЯ: Вы понимаете, зритель — он очень разный. И в разных странах разный. Во Франции я видела спектакли, которые идут пять часов. И это просто рецитация. Стоят артисты во фронтальной мизансцене и читают текст. Русские зрители через 30 минут уже упали бы от скуки «головой в салат». А французы — огромный папский дворец в Авиньоне — смотрят. Это зрительский театр или какой? Или Франк Касторф. Для нас этот театр не зрительский. Он авангардный, элитарный. А в Берлине зрители ходят за милую душу.

Райкин: Ну да. Театр — плохо конвертируемое дело. Оно очень связано с местом производства. Не то что в другую страну, в другой город приезжаешь — уже все иное.

Даже у разных районов одного города разная аура. Вот у Олега Павловича — Художественный театр. Ему ведь проще, чем нам. Там гуляльная зона. Там можно посмотреть что-то не очень хорошее и совсем не испортить себе настроение. Потому что красиво, Кремль рядом, рестораны всякие. Ну, посмотрели барахло. Ничего — погуляем. А ко мне люди, проклиная все на свете, добираются по заторам на Сушевке, и если им что-то не нравится — да они просто звереть начинают. Здесь грубее публика. Тут чуть что не так — прогорюшь на фиг.

ИЗВЕСТИЯ: Вы, кажется, боитесь неуспеха пуще огня.

Райкин: Больше смерти я его боюсь.

ИЗВЕСТИЯ: Вам не кажется, что это перво-родный грех актерской профессии — ее постоянная заточенность на успех?

Райкин: Я знаю, что вот этот молодой артист «с индивидуальностью» — если он испытает, что такое неуспех, если он увидит, как на его монологе люди встают и уходят, это будет для него гораздо более страшная травма, чем если я ему скажу: ну-ка погромче, пожалуйста, побыстрее и покрупнее. Мне твоя атмосферная, трамвайная органика неинтересна. Мне интересно, когда ты находишься в определенном градусе. Ниже этого градуса мне вообще неинтересно смотреть.

они нас или нет? Что мы такого сделали, чтобы так веселиться? Есть разные свидетельства понимания, но понимание должно быть.

«Выхожу из театра и сразу читаю на заборе:

«Райкин — мразь»

ИЗВЕСТИЯ: Вы по-прежнему увлечены своей профессией?

Райкин: Да.

ИЗВЕСТИЯ: Это не праздный вопрос. И ответ на него не очевиден. Михаил Козаков как-то раз в ответ на мою реплику воскликнул: «Как вы меня назвали? Актером? Да я ненавижу эту бабскую зависимую профессию. Никакой я не актер».

Райкин: Вы мне будете рассказывать. Я сам знаю много великолепных артистов, которые не любят играть. И я прекрасно понимаю ограниченность их отношений с этой профессией. Это не зависит от таланта. Талант может быть огромным. Просто им кажется: успех, ну и хорошо, ну и успокойся. Но если надо иметь успех у самого себя, это совсем другое дело. А мне — надо. У меня отношения с этой профессией — безграничные. Бесконечные. Мне говорят: ну черт побери, ты уже сыграл Гамлета, Сирано, Ричарда, «Маски» получил, что тебе еще нужно?..

ИЗВЕСТИЯ: Ну да. О душе пора думать.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

ИЗВЕСТИЯ: Спектакль «Гамлет» Гордона Крэга, поставленный в МХТ с Василием Качаловым, — это, по вашей классификации, был неуспешный спектакль. Между тем о нем написаны исследования. Целые монографии. Это этапный спектакль в истории театра. Вам не хотелось бы сделать что-то, что не будет иметь сиюминутный успех, но о чем напишут потом книжки?

Райкин: Нет. Нет. Не сравнимо это. Неуспех — это такое несчастье. Никакими театроведческими исследованиям его потом не окупить. Ничего слаще успеха нету в мире для актера. То есть не только слаще, конечно. Это очень глубокое и серьезное понятие. Это свидетельство того, что тебя поняли, восприняли, оценили, полюбили. Это ощущение твоей власти над людьми. Власти без насилия. Это как любовь. Как божественный поцелуй какой-то. А неуспех — это ощущение, что ты не нужен, что ты совершенно бессмысленно трастишь свою жизнь, что ты говоришь, а тебя не слышат.

Потом, видите ли, успех это ведь не обязательно топанье ногами и крики. У Вахтангова был спектакль — «Дибук», кажется, — после которого зрители не хлопали. Это было такое потрясение, что аплодисменты не рождались. И наоборот: у меня как-то раз за границей был такой дикий успех, что он показался мне неадекватным тональности, в которой мы работали. На очень тихом спектакле возник вдруг такой фестиваль в конце. И я подумал: а поняли

Райкин: Да не могу я думать о душе вне этой профессии.

ИЗВЕСТИЯ: А она не мешает ли о душе думать? Она ведь такая экстравертная.

Райкин: Ничего она не экстравертная. Разве что в буквальном проявлении. На самом деле она ужасно исповедническая. Она связана с необходимым, неизбежным одиночеством. Если у тебя не будет очень сложных интимных отношений с самим собой, ты и другим не будешь интересен. Вот в чем фокус. Мне, в общем, понятны люди, у которых легкие отношения с этой профессией, но у меня с ней отношения сложные. Мне все время нужно что-то выяснять с ее помощью, что-то себе доказывать. Я очень неуверенный в себе человек. И моя профессия мне нужна для того, чтобы поверить в себя. И театр мой мне нужен для этого. Это место, в котором мне комфортнее всего. Именно этот театр. Такой, каким я его придумал. За стенами его — уже хуже. Выйду и сразу прочту на заборе: «Райкин — мразь». Потому что мы тут все время что-то строим и кому-то конечно же мешаем. Вне своего театра я боюсь за каждое свое слово. Я ненавижу публичные выступления. Я стесняюсь. Я не умею импровизировать. Здесь я могу импровизировать. Могу говорить не думая. Мне здесь хорошо.

ИЗВЕСТИЯ: В общем, если я правильно вас поняла, вы изживаете здесь свои комплексы.

Райкин: Да, видимо, изживаю. Так уж сложилось.